

ЭМИЛЬ ЧЁРАН

ОТКРОВЕНИЯ БОЛИ

*Статьи Эмиля Чёрана
межвоенного периода 1932–1940 гг.*

ТОТЕНБУРТ

МОСКВА 2026

УДК 1(498)(081.2)
ББК 7.3(4Рум)
Ч45

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

*Перевод с румынского, предисловие, исследовательская часть
и комментарии к. филос. н. Р. С. Гранина*

Чёран, Э.

Ч45 Откровения болн. Статьи Эмиля Чёрана межвоенного периода
1932–1940 гг. — М.: Тотенбург, 2026. — 250 с.

Настоящее издание впервые представляет русскоязычному читателю полный перевод сборника публицистики Эмиля Чёрана «Откровения боли» (рум. Revelațiile durerii), включающего статьи, эссе, репортажи и газетные заметки, опубликованные в румынской периодике в период с 1932 по 1940 год. Эти тексты относятся к раннему этапу творчества мыслителя и занимают особое место в истории формирования его философского мировоззрения. Именно здесь впервые возникают темы, мотивы и интуиции, которые впоследствии определяют интеллектуальный облик автора таких произведений, как «На вершинах отчаяния» (1934), «Книга иллюзий» (1936), «Преображение Румынии» (1936), «Слезы и святые» (1937), а позднее — французских книг «О разложении основ» (1949), «Силлогизмы горечи» (1952), «История и утопия» (1960), «Падение во время» (1964), и других. Исторический контекст возникновения этих текстов связан с деятельностью румынского «Поколения '27» (Generația '27), к которому принадлежали Мирча Элиаде, Константин Нойка, Михаил Себастьян, Мирча Вулканеску, Петре Цуца и другие выдающиеся молодые интеллектуалы. Их объединяло стремление к духовному обновлению Румынии и поиск новых оснований национальной культуры. Среди своих современников Чёран занимал особое положение. Если большинство представителей поколения искали пути преодоления кризиса через религию, национальную традицию, историческую миссию или философское творчество, то Чёран последовательно радикализировал опыт отрицания, превращая сомнение, отчаяние и внутренний разлад в предмет философского исследования. Уже в ранней публицистике он выступает и как идеолог, и политический мыслитель, и как исследователь предельных состояний человеческого существования.

УДК 1(498)(081.2)
ББК 7.3(4Рум)

© Р. С. Гранин,
перевод с румынского,
предисловие, исследовательская часть,
комментарии

© Издательство «Тотенбург», 2026

Содержание

Эмиль Чёран в контексте «Поколения'27»	5
--	---

ОТКРОВЕНИЯ БОЛИ

1. Огюст Роден (1932)	33
2. Размышления о нищете (1932)	41
3. Система и жизнь (1932).....	45
4. Отжившие формы (1932)	49
5. О двух моралях (1932).....	52
6. Иррациональное в жизни (1932)	56
7. Смысл современной культуры (1932).....	68
8. Оскар Кокошка (1932).....	88
[9] Время и релятивизм [1932]	92
10. Фердинанд Брукнер (1932)	96
11. Петру Комарнеску: <i>Homo americanus</i> (1933)	99
12. Откровения боли (1933).....	103
13. О внутренней пустоте (1933).....	118
14. О подлинной агонии (1933)	120
15. Против умных людей (1933).....	124
16. Трагическая чувствительность в Румынии (1933).....	128
17. Культура и жизнь (1933)	131
18. И. Брукэр: философы и системы (1933)	134
19. Ал. Дима: Аспекты и идеологические установки (1933).....	136
20. Искушение политическим и жертвы (1934).....	139
21. Баварская меланхолия (1934)	142
22. К другой сексуальной морали (1934).....	148
23. Внутренний стиль Лучиана Благи (1934).....	153
24. Необходимость радикализма (1935)	160
25. Христианство и скандал, который оно принесло в мир (1936)	165
26. Мирча Элиаде и его разочарования (1936)	172

27. Между западничеством и автохтонизмом (1936).....	178
28. Национализм, интернационализм, универсализм (1937).....	181
29. Нигилизм и природа (1937)	187
30. Нае Йонеску и драма ясного сознания (1937).....	192
31. Преступление стариков (1937)	197
32. Необходимость разрыва (1937).....	201
33. Между европейским и национальным сознанием (1937)	206
34. Фрагменты Латинского квартала (1938)	213
35. Грех человеческого голоса (1938).....	218
36. Осколки вечных каникул (1938)	222
37. Провинциальный Париж (1940)	227
38. Обман через действие (1940).....	231

ПРИЛОЖЕНИЕ

39. Из истории Германии (1933)	237
40. Впечатление от Мюнхена. Гитлер в немецком сознании (1934)	239
41. Внутренний профиль Капитана (1940).....	243

Эмиль Чёран

в контексте «Поколения'27»

*«Моральный абсолютизм — удел посредственностей.
Жизнь без морали, возникающая как ее
преодоление, — это жизнь на вершинах.
Опасность ее — очевидна, но иного пути нет».*

*«Страдать — значит иметь судьбу...
Судьба есть только у тех,
кто воплощает форму, выражение
единственного способа бытия».*

*«Доброта — это не любовь, а конкретное
выражение скептического отношения к миру».*

«Парадокс — говорить о боли без лиризма».

Эмиль Чёран «Откровения боли», 1933

В 1990 году в Румынии вышел сборник статей «Откровения боли»¹, название взято по заглавию одной из статей. Эти статьи, газетные заметки и репортажи были написаны культовым румыно-французским мыслителем Эмилем Чёраном² (*Emil Cioran*; 1911–1995) с 1932 по 1940 год. Эта публицистика предвосхищала и во многом воспроиз-

¹ Cioran, E. *Revelațiile durerii*. Cluj: Editura Echinoc, 1990. 202 p.

² Мы пишем фамилию Cioran как Чёран через безударную «ё», чтобы подчеркнуть ее славянскую этимологию — происхождение от корня [чёр]ный. Так, по мнению специалиста по румынской генеалогии Михая Рэдулеску, слово «сіог-» может быть заимствованием от славянского «согн-» — «чёрный», через староболгарский или южнославянские диалекты, и может восходить к старославянскому «сѣгн- / согн-», к праславянской форме слова «чёрный» — «сѣтъь»; болг. — черен, серб. — црн, рус. — чёрный (Rădulescu M.S. *Despre genealogia lui Emil Cioran // Genealogii*. Bucuresti: Vremea, 2018, pp. 129–134). Ё в безударной позиции вполне допустима в ряде случаев: например, фамилии его земляков с Балкан — сербо-венгерского поэта Шандора Пётёфи (венг. Petőfi Sándor [ˈpetøːfi ˈʃaːndor]; 1823–1849) и венгерского математика Пала Эрдёша (венг. Pál Erdős; 1913–1996) — передаются через безударную «ё», как и фамилия японского императора Ёсихито (Гранин, Р. С. *Поэтика Эмиля Чёрана*. Издание в трех томах. Т. I. Деконструкция [автора]. М.: Тотенбург, 2025. С. 27–35).

водила интуиции последующих его книг, начиная с первой «На вершинах отчаяния», чей тон и настроения напминает настроения этих первых публикаций, вошедших в сборник. Эти тексты: «На вершинах отчаяния» (1934) [4], «Книга иллюзий» (1936) [5], «Преображение Румынии» (1936) [6], «Слезы и святые» (1937) [7], «Сумерки мыслей» (1940) [8], «Из Франции» (1941) [9], «Бревиарий побежденных» (1944) [10].

На 1930-е годы приходится деятельность так называемого «Поколения '27» (рум. *Generația '27*) — поколения молодых румынских интеллектуалов, стремящихся к культурному и духовному обновлению страны. Название взято по дате выхода сборника *Itinerar spiritual* («Духовный путь») — серии из 12 эссе Мирчи Элиаде, опубликованных осенью 1927 года в румынской газете *Cuvântul* («Слово»)³, когда автору было всего 20 лет. Позднее эти эссе были включены в сборник «Румынское пророчество» (1990)⁴. В эссе Элиаде размышляет о миссии румынской молодежи, критикует либерализм и западничество, а также призывает к возвращению к православному традициии как основе национального возрождения. Он противопоставляет «исторический национализм» политическому, подчеркивая важность духовного и культурного единства нации. Эти тексты стали манифестом молодых румынских интеллектуалов, таких, как религиовед и эрудит Мирча Элиаде, Эмиль Чёран, философ и поэт Константин Нойка⁵, православный философ Петре

³ Eliade, M. *Itinerar spiritual*. Cuvântul, 1927, № 897. С. 1–2.

⁴ Eliade, M. *Profetism românesc*. București: Editura "Roza Vînturilor", 1990. Т. I. 222 p.; Eliade M. *Profetism românesc*. București: Editura "Roza Vînturilor", 1990. Т. II. 160 p.

⁵ Константин Нойка (рум. *Constantin Noica*; 1909–1987) — румынский философ, эссеист и поэт. Его интересы охватывали всю философию, от эпистемологии, философии культуры, аксиологии и философской антропологии до онтологии и логики, от истории философии до систематической философии, от античной философии до современной философии, от перевода и интерпретации до критики и творчества. В 2006 году он был включен в список 100 величайших румын всех времен по результатам общенационального опроса.

Цуца⁶, писатель еврейского происхождения Михаил Себастьян⁷, философ и мученик Мирча Вулканеску⁸ и других. Поколение отличалось идеологической неоднородностью и частичной вовлеченностью в крайне правые политические течения, включая Железную гвардию, другая часть была левыми.

Чёран вошел в публицистическое поле Поколения чуть позже остальных его участников. Он сразу оказался на зыбкой, уже разминированной и (безвозвратно) выжженной территории, освещенной софитами «духа времени», наэлектризованной энергетикой, где все больше становились значимыми нюансы, различия и их особая специфика, а не изначальный опыт. Последний был уже обозначен и выдвинут с агрессивной непринужденностью задолго до того. Развертки уже состоялись, фундамент конструкции был заложен. В дальнейшем оставалась лишь напряженность реализации и утвердительная сила высказывания. В этом контексте Чёран должен был принести предельный крик, абсолютизм анафемы и изгоняющей ереси, вознеся «на вершины отчаяния» уникальность и иступление дезориентирующего плюрализма. Как пишет Дан Ч. Михейлеску в Предисловии к «Откровениям боли»: «Все то, что в рамках Поколения означало порыв к безграничности и "реализацию в провале", нашло в его

⁶ Петре Цуца (Petre Țuțea, 1902–1991) — выдающийся румынский философ, публицист, юрист и мыслитель православного толка, фигура парадоксальная и трагическая, входившая в интеллектуальный круг «Поколения 27» (вместе с Чёраном, Элиаде и Ионеску), но занявшая со временем ультраконсервативную, националистическую и глубоко религиозную позицию.

⁷ Михайл Себастьян (рум. *Mihail Sebastian*; наст. имя Iosif Hechter; 1907–1945) — румынский писатель. Выступал как прозаик, драматург, эссеист, литературный критик, автор статей о М. Прусте, Дж. Джойсе, А. Жиде, М. Элиаде, М. Блехере и др.

⁸ Мирча Вулканеску (*Mircea Vulcănescu*, 1904–1952) — румынский философ, экономист, социолог, юрист, эссеист и мученик. Один из самых утонченных умов «Поколения 27», друг Эмиля Чёрана, Мирчи Элиаде, Петре Цуца и Константина Нойки. Он погиб в коммунистической тюрьме, оставив по себе наследие христианского гуманизма, метафизической мысли и политической трагедии.

письме свою нагую, тотальную ипостась: папинианскую⁹ энциклопедичность Элиаде, метафизику и средневековость Вулканеску, религиозность Санду Тудора¹⁰, потрясающий негативизм Ионеску, юношеский "гидизм"¹¹ Нойки, чувственность и "самоубийственную" искренность Себастьяна, колебания интеллектуала левого толка П. Пандреа¹², неугомонную эстетскую жажду странствий журналиста и переводчика, культуролога и эссеиста П. Комэрнэску¹³, экзистенциальную дилеммность эссеи-

⁹ От Папиниан (лат. *Aemilius Papinianus*; ок. 150–212) — выдающегося римского юриста и государственного деятеля, оказавшего огромное влияние на последующее развитие мирового правоведения.

¹⁰ Санду Тудор (рум. *Sandru Tudor*; настоящее имя: *Alexandru Al. Teodorescu*; 1896–1962) — румынский поэт, эссеист, публицист, православный монах и мученик.

¹¹ *Gidismul* — это специфическое понятие, появившееся в межвоенной Румынии, происходящее от имени философа, эссеиста и критика Эуджена Ловинеску (рум. *Eugen Lovinescu*; 1881–1943) и его последователей, среди которых ключевую роль играл Михаил Себастьян (*Mihail Sebastian*; 1907–1945), а также группа журнала *Gândirea* («Мышление») в контрасте с ним. Наиболее непосредственно гидизм (жидизм) связан с именем Михаила Себастьяна и его романом «За две тысячи лет. Тексты, факты, люди» (*De două mii de ani. Texte, fapte, oameni*, 1934) с предисловием Нае Ионеску. Название происходит от прозвища героя — *Gid* или *Jid* — ироничного и уничижительного прозвища еврея, воспринятого как символ отчужденного, интеллигентного, рефлексивного еврея-интеллектуала в поисках идентичности во враждебной среде. Гидизм — это интеллектуальный и личностный ответ на маргинализацию, критика национализма и поиск индивидуального смысла вне коллективной идентичности. Его основными чертами являются: культурное и личное отчуждение — сознание невозможности интеграции в румынское общество на равных условиях; саморефлексия, ирония, экзистенциальное беспокойство; болезненное ощущение исторической судьбы еврея; отношение к румынскому национализму — одновременно диалог и болезненная дистанция; неприятие фанатизма, включая антисемитизм легионеров и крайних правых.

¹² Петре Пандреа (*Petre Pandrea*, 1904–1968) — румынский юрист, публицист, эссеист, интеллектуал левого толка, представитель поколения румынской межвоенной элиты, личный друг и биограф Петре Цуца, зять философа Наэ Ионеску (женат на сестре его жены). В 1930-х — участник интеллектуальных и философских кругов, связанных с журналом *Gândirea*, группой вокруг Ионеску, Чёрана, Элиаде, Цуца и других.

¹³ Поль Стэриан Комэрнэску (*Paul Sterian Comănescu*) — чаще всего упоминаемый как Пэтрэ (Петре) Комэрнэску (*Petre Comănescu*, 1905–1970) — румынский философ культуры, искусствовед, критик, журналист, переводчик, эссеист, один из ключевых деятелей поколения '27.

ста П. Манолиу¹⁴, болтливо-размышляющий аристотелизм Цуца, утопическую горячку братьев армянского происхождения Актериан¹⁵, деятельностный провал легионера Железной гвардии М. Полихрониаде¹⁶ и других¹⁷. Это молодое поколение «Возвращения из рая»¹⁸, «Чёрной лилии» и «святой легионерской смерти»¹⁹. Это самый запутанный клубок противоречий в истории румынской мысли (в большей или меньшей степени мистический), в котором сходятся все расходящиеся тенденции одной современной цивилизации. В нем, несмотря на очевидную близость, мнимую однородность и коллективное давление, направления весьма разнообразны, различались от одного человека к другому, от одной газеты к другой, от одного месяца к другому, от левого фланга к правому и обратно, от одного наставника к другому и так далее.

Как отмечает Михейлеску, гора предрассудков была воздвигнута на фосфоресцирующем трупe межвоенного и послевоенного поколения, усеянная лабиринтными тропами и запретами на каждом шагу, полная пещер и лугов со скрытыми змеями, туристических химер и

¹⁴ Петру Вирджил Манолиу (рум. *Petru Virgil Manoliu*; 1903–1976) — румынский писатель, эссеист и редактор газеты. Сформированная философскими размышлениями, отмеченная чувством тревоги и влиянием Андре Жида, большая часть его ранних литературных работ относится к направлению «трайризма». Публиковался в газетах левого толка и поддерживал крайне правую мистическую философию Наэ Ионеску. *Trăirism* (рум. *trăire* («жизнь») + *-ism*) — философия или стиль жизни, основанный на подлинности личного переживания, активно развиваемый в межвоенной Румынии.

¹⁵ Хейг (псевдонимом Михаил) Актериан (рум. *Haig Acterian*; 1904–1943) — румынский режиссер театра и кино, критик, драматург, поэт, журналист и фашистский политический деятель. Брат Аршавира Актериана (рум. *Arşavir Acterian*).

¹⁶ Михаил Полихрониаде (рум. *Mihail Polihroniade*; 1906–1939) — доктор права, журналист, публицист, член легионерского движения, командир гарнизона легионеров Бухареста и историк-любитель.

¹⁷ Mihăilescu, D.C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 6.

¹⁸ «Возвращение из рая» — роман Мирчи Элиаде (1934), часто воспринимаемый как манифест поколенческой разочарованности.

¹⁹ «Черная лилия» и «святая смерть легионеров» — символы, ассоциирующиеся с мистико-эстетическим и фашистским пафосом некоторых представителей поколения, близких к движению легионеров.

фальшивых карт. Нужна кропотливая и профессиональная терпеливость, чтобы найти путь к центру, открыть склеп и восстановить великолепное, некогда забальзамированное тело: «Невозможно подвести черту под его множественной патологией или, напротив, под его мученическим ангелизмом. Совершенные от его имени (а еще чаще — за его счет) преступления, осуществленные экстремистами, привели затем к уничтожению интеллектуальной элиты этой "ужасной генерации". Она сначала подверглась репрессиям со стороны королевско-либерального режима, а затем бесславно истекла в кровавом фарсе мятежа²⁰»²¹. По своей воле (через определенные внутренние предрасположенности) и вопреки своей воле (умело использованной политическими силами) «Поколение '27» разбилось о скалы истории в состоянии полусознания — вызванного как своей собственной одурманенной самопоисковой отравой, так и инъекциями извне.

Чёран вспоминает то время в своей франкоязычной заметке «Моя страна», опубликованной после его смерти: «Так случилось, что задолго до того, как мне исполнилось тридцать, я воспылал страстью к своей стране, страстью отчаянной, агрессивной, безысходной, которая мучила меня годами. Моя страна! Я хотел уцепиться за нее любой ценой, и я не знал как. Я не находил для этого никакой возможности ни в настоящем, ни в прошлом. В ярости я приписал ей будущее, я выковал его с нуля, я приукрасил его, не веря в него. И в конце концов я напал на это будущее, возненавидев его, я плюнул на свою утопию. Моя амурная и бредовая ненависть не имела, так

²⁰ Восстание Железной Гвардии — это вооруженный мятеж и государственный переворот ультраправого румынского движения «Железная Гвардия» против кондуктора Иона Антонеску, произошедший в январе 1941 года. Этот мятеж сопровождался еврейскими погромами и привел к его подавлению со стороны маршала Антонеску.

²¹ Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 8.

сказать, цели; ибо моя страна рассыпалась на моих глазах. Я хотел, чтобы она была могущественной, как злая сила, судьба, которая заставила бы трепетать весь мир, а она была маленькой, скромной, без всех тех качеств, которые присущи судьбе. Когда я смотрел на прошлое Румынии, я не находил в нем ничего, кроме раболепия, покорности, смирения. Когда я обратился к ее настоящему, я обнаружил те же недостатки. Некоторые из них деформировались, другие остались нетронутыми»²².

Как отмечал Мирча Вулканеску в своем докладе 1934 года «Тенденции молодого поколения», произнесенном в «Союзе румынских интеллектуалов»: «Воспитанное во времена аномалии и вылепленное в напряжении этой аномалии, наше поколение не приспособлено к нормальным временам. В нем есть нечто незаконченное, несовместимое с цельностью и мерой [...] Оно чувствует себя свободным лишь в состоянии напряжения»²³. Когда говорят о «жизненности» (*trăirism*) поколения 1927 года, акцент обычно ставят на межвоенный характер. Но прежде чем быть межвоенным, это поколение было послевоенным. И этот префикс далеко не незначителен. Наследственность со всеми ее особенностями должна прежде всего соотноситься с изначальным травматическим опытом этого поколения. Поскольку подлинность новой чувствительности ощущалась как апостольская миссия в культуре, она основывалась на принятии румынской идентичности и взрыве «я» как фундаментальных возможностях восстановления национальной идеи, а культ самовыражения воспринимался как высшая гарантия этнического творчества.

Вошедшее в историю после Великой войны поколение, вдохновленное огромным энтузиазмом Великого

²² Чёран, Э. Моя страна. Преображение Румынии / Пер. с рум. и фр. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — С. 325–326.

²³ Цит по: Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 11.

Объединения в Большую Румынию, жило в страхе перед провалом. Отсюда — голод к опыту, параксизмические утверждение личности, бичующий активизм, зов к пробуждению ленивой балканской вялости. В том же докладе Мирча Вулканеску говорил: «Поколение возникает из встречи во времени группы людей одного возраста с неким историческим событием, значительным для их формирования». И далее: «Как бы ни было это трагично и парадоксально, но мы вынуждены признать, что перспектива новой войны вызывает у молодежи некоторую ностальгию по жизни»²⁴.

Интенсивность, о которой говорил Чёран в тюбингенском интервью 1984 года, означала жадное переживание одновременно — самой грубой конкретности, самой широкой книжности и мистической жизни. Это тройственное состояние, обожествляющее подлинность, абсолютную исповедальность, «волю быть таким, каков ты есть» или «стать тем, кем ты являешься», наряду с жаждой целостности. С драматическим напряжением воплощения идей, с панлирическим и панкризисным трагизмом, утверждавшим верховенство отрицания, агонии (героического пессимизма, исторического смирения, стоицизма) и гиперактивного отчаяния. Обитая в своих парадоксах с уникальной для румынской культуры страстью, молодое поколение 1930-х годов возводит провал в ранг подвига, освящает отчаяние как движущую силу творчества, страдание — как очищающее освобождение, таврирует социальное своими расползающимися «я», восполняет недостаток жизненного опыта массой интерпретаций, читаемых с избыточной жизненной силой, и экстатически расслаивается — либо по горизонтали (Элиаде, Вулканеску, Цуцэ), либо через внутренний ад (Чёран), — убежденное фанатично, что именно внутреннее освещает

²⁴ Ibid.

румынство. Как писал Элиаде в своем Манифесте: «Наша юность не должна завершиться в мелком смятении, в жалких занятиях. Мы обязаны строить — и это не достигается ни простыми речами, ни газетными статьями [...] Это историческая истина: духовное возрождение народа начинается после мощного потрясения. Тогда случается озарение, высвобождаются радости и ценности, меняется видение. Мы — первый плод этого явления»²⁵. Это поколение, вышедшее из коллективной бойни, утверждает, как следствие, высшее значение индивидуальности, уникального и невозвратного опыта.

Линии «духовного маршрута» «вождя поколения» Элиаде, как и большинства его последователей, легко различимы. Первая включает в себя иммедиатизм, активизм, психологизм, с опорой на Фихте, Шеллинга, Ницше, Амьеля, Бергсона, Достоевского, Фрейда, Жида, Кьеркегора, Папини, Пруста, Шестова, Маритена. Вторая включает в себя гётеанский гуманизм, национализм и марксизм и стремится к осмысленному переживанию ради идеала, ради ценности в русле Ж. Бенда, Бердяева, Дильтея, Ганди, Хартмана, Каутского, Кайзерлинга, Клагеса, Ленина, Масарика, Морраса, Муссолини, Ортеги, Ратенау, Шпенглера, Тагора, Унамуно, Валери. Наконец — «переживание в абсолютной универсальности», в «Святом Духе: аскеза и мистическая жизнь», развивая добродетели вечной религии — от Терезы Авильской и Фомы Кемпийского до Блонделя, Блуа, Маритена, Барта, Пауля Тиллиха и Рудольфа Отто.

Интеллектуально-духовный контекст Поколения обуславливался начиная с работ румынского историка и археолога Пырвана²⁶ («Проблема спасения» и «Античная

²⁵ Mircea Eliade, O generație, în Cuvîntul studentesc, an IV, nr. 214, oct. 1927 (Мирча Элиаде «Одно поколение», газета «Студенческое слово») (цит по: Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinoc, 1990. P. 13).

²⁶ Василе Пырван (рум. *Vasile Pârvan*; 1882–1927) — румынский историк, археолог, писатель и эссеист.

драма», 1919, 1920) и Нае Ионеску («Философия божественности», 1920–21; «Реальность душевной жизни», 1921–22 и «Философия религии», 1923–29); его этапы — лекции в рамках «Европейской идеи», а также конференции «Поззис», «A.S.C.R.», «Форум» и «Критерион»; его духовный климат делился публицистически на два лагеря, с одной стороны это журналы: «Gândirea», «Ideea europeană», «Ideea creștină», «Vremea», «Viața literară», «Tiparnița literară», «Acțiunea», «Floarea de foc», «Discobolul», «Dacia» и другие; с другой: «Universul literar», «Viața românească», «Sburătorul», «Kalende», «Adevărul literar», «Capricorn», «Convorbiri literare», «Stînga», «Cuvîntul liber» и прочие²⁷.

Мирча Вулканеску в статье «Из словаря G[eneratia'27]»²⁸ анализирует «молодое поколение» румынской интеллектуальной элиты 1930-х годов — тех, кому от 25 до 35 лет. Он выделяет его главные черты: жажда опыта и авантюры (рум. *sete de experiență / aventură*); поиск подлинности (рум. *autenticitate*); воля быть таким, каков ты есть (рум. *voința de a fi așa cum ești*); духовность, необходимость абсолютного; постоянное напряжение, трагизм, кризис, формы негативизма, агонии, пессимизма, этической безысходности, отчаяния (рум. *tragismul, agonia, pesimismul etic, disperarea*). Он говорит о том, что это поколение пронизано разнородным мистицизмом и идеологиями, включая: немецкий послевоенный мистицизм восточного толка (рум. *misticism orientalizant german postbelic*); русский мистицизм эмиграции (рум. *misticismul rus din emigrație*); моррасизм («интегральный национализм» Шарля Морраса²⁹); неотомизм

²⁷ Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 14.

²⁸ Vulcănescu, M. Generație. București: Criterion, 1934. № 3–4.

²⁹ Шарль (Кáрл) Марья Фóтий Моррас (фр. *Charles-Marie-Photius Maurras*; 1868–1952) — французский публицист, критик, поэт. Член Французской Академии (1938–1945, лишен звания по решению Лионского суда как «предатель родины»). Организатор и главный идеолог «Аксьон Франсэз» («Французское

(католический философский неотомизм, основанный на учении Фомы Аквинского); русский коммунизм, германский марксизм, итальянский фашизм и германский нацизм. Таким образом, молодое поколение, по Вулканеску, оказалось в эпицентре идеологического и духовного разрыва, активно впитывая противоречивые влияния. Он сравнивает их с предыдущими поколениями в истории Румынии: поколением после 1821 года — эпоха Тудора Владимиреску (национальное пробуждение); поколение 1848 г. (*pașoptiștii* — реформаторы и революционеры); юнимистами (*Junimea* — литературный и интеллектуальный кружок второй половины XIX века); социально-антиюнимейское поколение 1907 года³⁰ (связано с Йоргой³¹, Кузой³², Стере³³); «Поколением огня» (рум. *Generația*

действие») — монархистского, антипарламентского и контрреволюционного политического движения. Моррас также придерживался антикоммунистических, антимасонских, антипротестантских и антисемитских взглядов, при этом резко критикуя нацизм, называя его «глупостью». Его идеи сильно повлияли на национал-католицизм и интегральный национализм, во главе с его принципом, что «истинный националист ставит свою страну превыше всего».

³⁰ Поколение интеллектуалов и политиков, активно отреагировавших на крестьянское восстание 1907 года — крупнейшее социальное восстание в Румынии, вызванное тяжелыми условиями жизни и эксплуатации арендаторами. Это поколение выступало против идеологии «Юнимея» (литературно-культурного общества *Junimea* («Молодёжь»)), которая господствовала в конце XIX века. Юнимея ассоциировалась с рационализмом, умеренным консерватизмом, эстетизмом и ироническим элитаризмом (Титу Майореску, И. Л. Караджаале и других). В противовес этому «антиюнимейское» поколение ориентировалось на: социальную справедливость, особенно крестьянскую проблему; антиэлитаризм и активизм; анализ структурных причин неравенства (экономических, земельных, культурных); национальную и социальную консолидацию снизу. Крестьянское восстание стало символом пробуждения социальной совести у нового поколения; оно вызвало глубокий общественный шок и переосмысление роли интеллигенции в жизни страны; многие представители «поколения 1907 года» начали активную критику либеральной монархии, крупного землевладения, городского равнодушия к деревне.

³¹ Николае Йорга (рум. *Nicolae Iorga*; 1871–1940) — историк, политик, лидер национал-консервативной мысли.

³² Александру Куза (рум. *Alexandru Cuza*; 1857–1947) — экономист, сторонник аграрных реформ, социалистически ориентированный.

³³ Константин Стере (*Constantin G. Stere*; 1865–1936) — писатель, юрист, публицист, один из идеологов «попоранизма» (народничества) и сторонник аграрного социализма.

de foc) — поколение объединения Румынии (1918) и философско-православного журнала *Gândirea* («Мысль»).

Духовность — в широком культурном понимании — по Вулканеску, распадается на несколько направлений: марксистское; интегральный и политический национализм; идеал неоклассического культурного возвышения. Также есть те, кто находится в поисках новой духовности, революционной (внутренней и культурной по своей природе), в оппозиции к догматической нетерпимости православия, историческому материализму марксизма, узости националистической доктрины и завершённому характеру неоклассицизма. Представители этого направления переживают духовный кризис и пересмотр ценностей. Они формируют «ироническую духовность», трезвость, отрицание и трагичность сомнения, которое стремится быть преодоленным в признании нового человека, еще не проявившегося. Именно сюда, наряду с Эженом Ионеску, П. Маноллиу, М. Иовичем и И. Добридором, М. Вулканеску помещает Эмиля Чёрана³⁴.

Демократия воспринимается «Поколением 27» как несостоятельная, рассеивающая энергию; коммунизм — как чуждый, «инородный» имплантат. Молодежь в черных рубашках Муссолини; гигантский творческий порыв, железная дисциплина и фанатизм «гитлерюгенда»; желание нового поколения с избытком энергии заместить буржуазный избыток (папинианская «мужественность», перешедшая в немецкую «апологию вирильности», ницшеанскую волю и Достоевскую одержимость в редакции Чёрана); либерализм, отступивший в консерватизм, неистовство самоутверждения «нового человека», обличающего «декадентскую женственность» Франции (в ожидании пангерманского мускулизма) и «педерастию» Британии; русофобия и антикоммунизм (конфликт вокруг Ти-

³⁴ Generație // Criterion, № 3–4, 15.11.1934.

тулеску и Литвинова) — это лишь немногие из исторических узлов, бывших сгустками напряжения в 1925–30-х и ставших взрывными центрами после 1935–37 годов. Ожидаемо, что после оргиастического, индивидуалистического, метафизического момента 1927 года должен был последовать гражданский и политический поворот.

Если все «Поколение'27» развивалось чрезмерно, то Чёран был чрезмерностью в этой чрезмерности. Он был единственным, в ком встреча индивидуального «я» с духом времени (нем. *Zeitgeist*) произошла идеально, словно затягивание в «водоворот Мальстрёма». Как он напишет в своей первой книге «На вершинах отчаяния»: «Я признаю только живые, органические и семенные истины, ибо знаю, что нет истины вообще, но есть лишь живые истины, плоды нашей внутренней тревоги»³⁵. «На вершинах отчаяния» не содержит ни одной цитаты — вещь крайне редкая для дебюта в эссеистике. Это, как и все творчество Чёрана, экзорцизм, из которого многие пытались извлечь лишь манифест, не учитывая специфики выражения, а также масштаб самой личности автора. Это книга, в которой сказано одновременно все и ничего об авторе — как исповедь юноши 20–23 лет: молодого, одинокого и мстительного, садистски-мазохистского, склонного к тоске, ограниченного в страсти самоопределения. Это черная экзальтация, негативный экстаз, столь же маниакальный, сколь и эгофобный. Чёран здесь не раскрывает себя, а сжигает, любит себя в отчаянии и презирует, поглощая самого себя в идеях. «Быть больным — значит жить "желая-нежелая" на вершинах»³⁶. Но вершины означают не только высоту, но и пропасть, глубину. Жить на вершинах отчаяния — значит достигать самых ужасающих глубин. Существуют лишь бездонные

³⁵ Чёран, Эмиль. На вершинах отчаяния. — М.: Тотенбург / пер. с рум. Р. С. Гранин, 2025. — С. 119.

³⁶ Там же. С. 85.

вершины. И только в таких провалах достигаются высоты. «Быть переполненным собой — не в смысле гордыни, а богатства, — быть измученным бесконечной внутренней ненасытностью и крайней напряженностью, значит жить с такой интенсивностью, что чувствуешь, как умираешь от самой жизни»³⁷. «Я чувствую, как внутри меня трещит жизнь под избытком интенсивности, но и дисбаланса, как неукротимый взрыв, способный непоправимо взорвать самого человека»³⁸.

Чёран — в традиции романтического «я», *mal-aimé* (франц. «нелюбимый», поэтический образ одинокого страдальца), прошедшего сквозь Вертера, Руссо, Сенанкура, напитанного Ангелусом Силезиусом и Бёме, с черным солнцем нервальевского видения, с *heautontimoroumenos*³⁹ Бодлера, с абсентом из «Сезона в аду» Рембо — наложенного на трагическое чувство «по-унамуновски» и на черную мантию эминескианской⁴⁰ оды. Элиаде экспериментировал ради переживания культур, в то время как у Чёрана глубокое экзистенциальное переживание (*Erlebnis*⁴¹) тонет в мёртвой зоне выстрела без цели. Безысходность агонии испытывается в собственной сущности индивида, с мельчайшими страданиями и напряжением». «Я»⁴² из «На вершинах отчаяния» страдает от ностальгии по Мечте, от ее отсутствия, а пространство, лишённое грез, наполняется отчаянием. Этот *desdichado*⁴³ хотел бы быть вагнерианцем, но не может вырваться

³⁷ Там же. С. 19.

³⁸ Там же. С. 25.

³⁹ *Heautontimoroumenos* — лат. «самонаказующий себя»; у Бодлера — символ двойственности субъекта.

⁴⁰ Символическое движение в Румынии, по имени Эминеску. Михáй Еминеску (рум. *Mihai Eminescu*; 1850–1889) — румынский поэт, классик румынской литературы. Посмертно избран членом Румынской академии наук.

⁴¹ *Erlebnis* — нем. философский термин: глубокое, экзистенциальное переживание.

⁴² «Я» — лирический субъект книги «На вершинах отчаяния» (1934).

⁴³ *Desdichado* — исп. «несчастный»; отсылка к известному сонету Нерваля и его образу «поэта, лишённого светлого образа».

из гамлетизма. Его дебютный монолог превращает весь космос в череп Йорика, и выгоняет актеров со сцены — так же, как Паскаль видел душу «брошенной» в тело и отвергал всякое пари во имя разращения Игры. Избыточность в избыточности — и дьявольски точная встреча «я» со своим временем. Все остальные бежали: Чёрану — некуда. Пока...⁴⁴ Элиаде ежедневно ускользал в религии, алхимию, джидду-хаксли-лоуренсово-папинизм. Ионеско — в эстетику, в трещины детства и, по сути, страдал спасительной фобией перед «носорогизмом» (ринопсихозом⁴⁵). Вулкэнеску «обитал» в средневековых агапах⁴⁶ или в профессии — финансовом либерализме. Нойка отступал в ученичество, в пайдэйю⁴⁷, игриво будучи то «братом», то «блудным сыном», укрывшись в сократизме и логике. Манолиу — в мистике, Полихрониадэ — в [легионерском] «движении» и так далее. А Чёран был безвозвратно пленен «бурей и натиском» (нем. *Sturm und Drang*⁴⁸) румынского отчаяния. Абсолютизм его видения,

⁴⁴ Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 17.

⁴⁵ «Ринопсихоз» (или «риноцерит» — рум. *rinocerită*) — иронический или метафорический неологизм, происходящий от образа носорога (*rhino-*) и психического расстройства (-психоз), использованный в контексте, вдохновленном пьесой Эжена Ионеско «Носорог» (*Rhinocéros*, 1959). В пьесе Ионеско жители маленького городка один за другим превращаются в носорогов — метафора конформизма, массовой идеологизации, потери индивидуальности и восприимчивости фашизма (или любого авторитарного режима) как нормальности. Главный герой пьесы отчаянно пытается сохранить свою человечность в обществе, которое полностью «одичало». В общем значении — страх перед превращением в коллективного носорога, т. е. боязнь подчиниться идеологическому давлению, массовым психозам, догматизму, политическим модам.

⁴⁶ Αγάπα (от др.-греч. ἀγάπη — «любовь»), также вечера любви в I–V веках н. э. — вечернее или ночное собрание христиан для молитвы, причащения и вкушения пищи с воспоминанием Иисуса Христа.

⁴⁷ Παιδεία (др.-греч. παιδεία — «воспитание детей», от παῖς — «мальчик, подросток») — категория древнегреческой философии, соответствующая современному понятию «образование», определенная модель воспитания; также составная часть слов энциклопедия, педагогика.

⁴⁸ «Буря и натиск» (нем. *Sturm und Drang*, также нем. *Geniezeit*, нем. *Genieperiode* — «Эпоха гениев») — литературное движение в истории немецкой литературы 1767–1785 годов, связанное с отказом от культа разума, свой-

чуждый эйфорическому «гандиризму» (от [журнала] *Gândirea*), фанатизировал речь, и поскольку все, что он делал, было чрезмерным и утверждало все через свою противоположность — его патриотизм звучал как богохульство и оскорбление нации, а искренность — как святотатство. Он скорее отталкивал. В лучшем случае — завораживал, но на расстоянии. Хотя и признанный многими как ключевая фигура, он вовсе не был создан для доктринерской покорности, и его исключительная крайность — пусть принятая и понятная немногими близкими — делала его пафос — безумием, а веру — фанатизмом. Принять его было трудно.

Михейлеску проводит апологию Чёрана 1930-х годов: вопль «На вершинах отчаяния», как и публицистика до и после этого дебюта, как и «Преображения Румынии», — это не то же самое, что политические убийства Дуки или Йорги, он далек от доктрин «деревянных черепов» (рум. *cranii de lemn*⁴⁹). Не эту книгу можно упрекнуть в лозунге «святой легионерской смерти», так же, как и не «Духовный путь» Элиаде⁵⁰ стал причиной подвешивания тел на крюках скотобоев⁵¹. Вся публицистика Чёрана 1930-х годов, не включенная в пять томов, изданных до его отъезда из Румынии, строится вокруг двух осей: «На вершинах отчаяния» (1934) и «Преображение Румынии» (1936). Ада эго и ада бытия. Внутреннего зла и

ственного классицизму эпохи Просвещения, в пользу не стесненного правилами творчества, предельной эмоциональности и описания крайних проявлений индивидуализма, интерес к которым характерен для предромантизма. Название литературного движения восходит к одноименной драме немецкого писателя Фридриха Максимилиана фон Клингера. Начало «Буре и натиску» положила встреча в Страсбурге в 1770 году Гёте и Гердера, издавших позднее свой манифест — сборник «О немецком характере и искусстве» (1773).

⁴⁹ Название сборника статей — *Cranii de lemn. Articole 1922–1936* — автора Иона Моты, активного участника легионерского движения, издававшегося в 1940 году и впоследствии переизданного.

⁵⁰ Eliade, M. *Itinerar spiritual*. Cuvântul, 1927, № 897. С. 1–2.

⁵¹ Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. *Revelațiile durerii*. Cluj: Editura Echinoc, 1990. Р. 18.

внешнего зла. Для Чёрана, как для человека, проживающего абсолютные опыты, Румыния — это его собственная рубашка Несса⁵². Безумное марево, с иступленной жаждой, где вопль («Я тогда думал, что все должно воплотиться или преобразиться во мне»⁵³) либо забывает, либо попросту теряет свою причину. Подобно Иову, он страдает не столько от Бога, сколько от самого себя. Более того, парадокс чёрановского «я» состоит в том, что вседержительное, мстительное и разрушительное темпераментное начало проявляется у него христологически: «принимая» как Иов, но анафематствуя апокалиптически. Воля к созиданию совпадает у Чёрана с разрушительным порывом, но, растворяясь, он свертывается, и в итоге созидает. *Mystique à l'état sauvage* — «первобытная мистика» — формула Клоделя в отношении Рембо — применима и к Чёрану. Он, как «добрый ангел ада», — как эминесковский Дан-Дионис⁵⁴, отпавший от Бога после страш-

⁵² Термин Михейлеску (Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran, E. *Revelațiile dureții*. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 19). В древнегреческой мифологии Несс — кентавр, который перед смертью дарит жене Геракла, Деянире, рубашку, пропитанную его кровью. Он лжет, что она укрепит любовь мужа, но на самом деле кровь была отравлена ядом гидры. Когда Геракл надевает эту рубашку, яд начинает сжигать его изнутри. Это становится причиной его мучительной смерти. Отсюда выражение «рубашка Несса» стало означать нечто неотделимое, пагубное, от чего невозможно избавиться, гибельную ношу, которая уничтожает изнутри. В контексте отношений Чёрана с родиной — «Румыния — это рубашка Несса» — это метафора исторической обреченности: Румыния — это страна, к которой он привязан, но которая причиняет ему страдание, которую невозможно сбросить, но и невозможно вынести. Образ нации, пожираемой собственной сущностью — внутренних конфликтов, сомнительных идеологий, провинциальности, тупика.

Философский парадокс патриотизма: любовь к родине, которая разъедает, заставляет страдать, но от которой невозможно отказаться без боли.

Критика политической реальности 1930-х годов — рост национализма, фашистских тенденций, «вождизма», на которые Чёран смотрит сначала с интересом, а затем — с ужасом и отвращением.

⁵³ Цит. по: Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. *Revelațiile durerii*. Cluj: Editura Echinox, 1990. P. 19.

⁵⁴ Поэтический и культурно-мифологический неологизм-конструкт: Дан — библейское колено Дана, связанное с пророчеством и судом; Дионис — греческий бог экстаза, безумия, страсти, разрушения и мистической реальности.

ного вопрошания. Религиозное отрицание порождает утверждающий мистицизм, а черный экстаз, в духе Лотреамона⁵⁵, как и чувственное опьянение кармелитками, возводится в ранг сакральности. Что вполне согласуется с духом немецкой средневековой мистики — с грехом, страстью, отречением, обманом и отрицанием как направлением к божественному. В этом смысле Чёран говорит о своей второй книге «Книге иллюзий» (1936)⁵⁶, что это единственная по-настоящему христианская книга своего времени. Ересь становится высшей формой славословия, как в случае бесов у Достоевского. То же самое происходит у Чёрана и с образом Румынии. Бесконечное терзание, пылающее проклятие, мучительные обвинения в адрес нации, как гниющей плоти, — даруют этому гневу пророческое измерение, не только «естественно-апокалиптическое», но и сияющее, утреннее, как греза. Истинное преклонение всегда таит в себе жестокую ненависть, Чёран пишет: «Инстинктивная любовь к Румынии — это не так уж и много, это не заслуга. Но любить ее, отчаявшись в ее судьбе, это уже многое — это все. Тот, кто не отчаивался в ней, ничего не понимает в ее сложности и

Таким образом, *Dan-Dionis* соединяет в себе библейский гнев и пророчество с дионисийской мистикой и разрушительной страстью.

⁵⁵ Граф де Лотреамон — литературный псевдоним французского поэта XIX века, Изидора Люсьена Дюкаса (*Isidore Lucien Ducasse*, 1846–1870) — предвестник сюрреализма, дадаизма, модернистской поэзии и черного романтизма. Его творчество обрушивается на буржуазную мораль, религию, логику и человеческое лицемерие. В своей книге «Песни Мальдорора» (фр. *Les Chants de Maldoror*, 1868–69) он создает фигуру Мальдорора — демонического, проклятого героя, олицетворяющего отчаяние, который отрицает Бога, добро и мир с изощренным поэтическим остервенением; с гротеском и насилием (шокирующие образы изнасилования, расчленения, саморазрушения); в экстатических формах (смешение прозы и поэзии, безумного монолога и философского скандала); с иронией и бунтом (от дионисийского до сатанинского). У Чёрана он — один из образов «инфернальной метафизики», в которой богоискание происходит через отрицание (близость к поздней мистике), где отчаяние становится формой откровения.

⁵⁶ Чёран, Э. Книга иллюзий / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 232 с.

никогда не постигнет ее судьбу пророчески»⁵⁷. Это Чёран напишет после стажировки в Третьем рейхе 1933–1935 годов в своей одиозной книге «Преображение Румынии» (1936), в которой восхищается немецкой национальной мобилизацией. Но уже в 1941 году в оккупированном Париже в изданной лишь спустя полвека книге «Бревиарий побежденных»⁵⁸ он полностью встанет на сторону побежденных, на сторону французской культуры в упадке. А также в преддверии войны, в также изданной спустя полвека книги «Из Франции» (1940)⁵⁹.

Как отмечает Михейлеску, если бы Румынии не существовало, творчество Чёрана анализировалось бы с тем мрачным и застораживающим вкусом, с каким мы приближаемся к безднам любовного отчаяния у Кьеркегора, к лабиринтам Кафки или к бездне Достоевского, к патетизму Ницше. Мы бы поняли его через Марка Аврелия, Паскаля, Монтеня, Алена, Шамфора и Терезу Авильскую. И стилистическое великолепие его письма просто околдовывало бы нас, скрывая за изяществом разрушительное ничто его постулатов. Но, увы, Румыния существует. И прежде всего существовала для Чёрана в 1930-х с самоубийственно-идеологической интенсивностью⁶⁰.

Мирча Элиаде так отзывался о тогдашнем стиле Чёрана: «Я хорошо знал Чёрана. Мы уже были друзьями в Румынии в 1933–1938 годах, и я обрадовался, когда вновь встретил его в Париже. Я восхищался Чёраном с первых его статей, опубликованных в 1932 году, когда ему только исполнился 21 год. Он уже прочитал Гегеля, Ницше,

⁵⁷ Чёран, Э. Преображение Румынии / Пер. с рум. и фр. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — С. 99.

⁵⁸ Чёран, Э. Бревиарий побежденных / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 138 с.

⁵⁹ Чёран, Э. Из Франции / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 102 с.

⁶⁰ Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinoc, 1990. — P. 20.

немецких мистиков и Ашвагхошу⁶¹. К тому же он с юности овладел поразительным литературным мастерством. Он писал одинаково блестяще философские эссе и памфлеты редкой силы: его можно было сравнить с авторами апокалиптических текстов и великими памфлетистами. Его первая книга на румынском языке «На вершинах отчаяния» была захватывающей как роман и одновременно меланхоличной, страшной, угнетающей и преисполненной восторга. Он писал на румынском так хорошо, что было немыслимо представить, что однажды он достигнет такой же литературной виртуозности на французском. Я считаю, его пример — уникален»⁶².

Дан Михейлеску пишет, что тот, кто знаком с творчеством Чёрана, не будет слишком шокирован чтением текстов, включенных в сборник. Это статьи за 1932–1940 годы. Связь всех статей с идеями и атмосферой «На вершинах отчаяния» (1934), «Книгой иллюзий» (1936), «Преображения Румынии» (1936), «Слез и святых» (1937)⁶³ и «Сумерек мыслей» (1940)⁶⁴ — книг, опубликованных в Румынии, когда Чёран еще писал порумынски, — очевидна⁶⁵. Конечно, можно делать перекрестные отсылки и к «французской библиографии»: к структуре «О разложении основ» (1949)⁶⁶, к тому или иному эссе из «Истории и утопии» (1960)⁶⁷, к «Силлогиз-

⁶¹ Асвагхоша (вторая половина I в. н. э. — первая половина II в. н. э.) — индийский буддийский патриарх, поэт, драматург, инициатор создания буддийской школы Сарвастивада.

⁶² Eliade, M. Încercarea labirintului. — Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1990. — P. 86.

⁶³ Чёран, Э. Слёзы и святые / Перевод с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 300 с.

⁶⁴ Чёран, Э. Сумерки мыслей / Перевод с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 234 с.

⁶⁵ Эти пять книг мы назвали «румынским пятикнижием» Чёрана по аналогии с великим пятикнижием Достоевского (в свою очередь названного по аналогии с Пятикнижием Торы и Ветхого Завета) — любимого писателя Чёрана.

⁶⁶ Сиоран, Э. М. О разложении основ. Испытание существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 14–142.

⁶⁷ Сиоран. История и утопия. Испытание существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 272–338.

мам горечи» (1952)⁶⁸, «Четвертованию» (1979)⁶⁹, «Исповеди и анафемам» (1987)⁷⁰, «Упражнениям в славословии» (1986)⁷¹, как и к метафизическим глубинам «Падения во время» (1964)⁷² и «Злого демиурга» (1969)⁷³.

Экзальтацию, напряжение, «тяготение к иррациональности» в статье «Размышление о нищете» (1932) настоящего сборника можно рассматривать в контексте паскалевской идеи о «нищете человека», равно как и статью «Культура и жизнь» (1933). И все это «в эпоху доминирующего максимализма, абсолютизма Кьеркегора, болезненных противоречий Достоевского и дионисийских пароксизмов Ницше» («Отжившие формы», 1932). Интуитивизм, «возвышение субъективной основы жизни», определение истории как «жизни, вытесненной из плана иррациональности, но еще не преодоленной» («Система и жизнь», 1932). Парадокс морали, которая может существовать только там, где жизнь замирает («О двух моралях», 1932); страстность жертвы («Искушение политическим и жертвы», 1933). «Апология и восхваление изменчивости и бессознательного», трагизм, порожденный атомизацией человеческих связей, искупаемый этикой проблематизации, «обращение к стоицизму и к трагическому пониманию существования» («Смысл современной культуры», 1932), агония конкретного и ликующая безнадежность («Время и релятивизм», 1932). Мистика страдания («Иррациональное в жизни», 1932); «тревога и вол-

⁶⁸ Сиоран, Э. М. Горькие силлогизмы. Горькие силлогизмы. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — С. 26–145.

⁶⁹ Чоран, Э. М. Разлад. После конца истории: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 137–260.

⁷⁰ Чоран, Э. М. Признания и проклятия: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 206 с.

⁷¹ Чоран, Э. М. Упражнения в славословии. После конца истории: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 261–376.

⁷² Сиоран. Падение во время. Испытание существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 340–410.

⁷³ Чоран, Э. М. Злой Демиург. После конца истории: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 23–136.

нение», «постоянная неудовлетворенность», «страх перед миром» и «ужас перед будущим» в состоянии «анархизированного сознания» («Оскар Кокошка», 1932). «Имманентность демонического начала в жизни», равно как и имманентность смерти в существовании («Откровения боли», 1933); распад бытия как болезненное восстановление идентичности («О подлинной агонии», 1933); «внутренняя пустота», «виталистская мистика» («К иной сексуальной морали», 1934); «женоненавистничество» («Грех человеческого голоса», 1938); мизантропия («Нигилизм и природа», 1937); геронтофобия («Преступление стариков», 1937). Понимание бытия как непрерывного падения, самореализации — как «исполнения в неудаче», жизни — как «самоубийства» и «сатанинского наслаждения» («Нае Ионеску и драма ясного сознания», 1937); жизненная необходимость отрицания («Необходимость разрыва», 1937).

Выйдя на публицистическую арену только в 1932 году, когда этап «чистой духовности» уже был исчерпан вместе с дискуссией о «Черной лилии» (название философского кружка вокруг журнала *Criterion* («Критерий»), в котором участвовал Чёран («черная лилия» — символ декаданса)), уступив место политико-социальной ангажированности и обладая вдобавок проклятием темперамента и холерической меланхолией, Чёран делает философское предписание неотделимым от конкретной социальной позиции. А когда «виталистская мистика» сталкивается с утопией «ударных батальонов» в государстве-Левиафане, столкновение оказывается фатальным и окончательным. Когда «религиозность наизнанку» натывается на каркас взрывоопасного механизма, удар может быть только сокрушительным. Так и случилось! Кто прочитает «Преображение Румынии» вместе со всеми контекстами («Мифом Эминеску» и другими), сразу поймет всю разрушительную суть мессианства Чёрана 1930-х. Отсюда и почти невыносимая жестокость таких текстов, как «Против ин-

теллектуалов» (1933): «Культура экстазов, безумия и видений. Все, что готично, барочно, варварски, извращенно и возвышенно, должно было бы развернуться в самой блистательной культуре [...] Давайте исцелим экзистенцию трагическим чувством, тем светом, который ничего не проясняет, но содержит хотя бы соблазны сумеречного света [...] Я ничего не жду от интеллекта, этой маски, ибо знаю, что всякое удивление иллюзорно. Но я ударю со всей яростью по интеллектуалам, чтобы показать им пустоту. Я убежден, что умные стали бесполезны. Поэтому я воспою варварство, безумие, экстаз или ничто, но не интеллект».

Как отмечает Михейлеску, нет ничего более опасного, чем воспринимать буквально такие высказывания, не пытаясь различить в них экзорцистскую отчаянность юноши, обезумевшего от апатии и этического вакуума «благополучия»⁷⁴. Статья «Против интеллектуалов» была написана в 1933-м. А уже в 1935-м в «Необходимости радикализма» мы читаем: «Надо отбросить на обочину жизни и общества всех умеренных людей»; «Живая идея должна быть кровоточащей, крестовый поход или катастрофа. Только одержимые переворачивали историю»; «Один Кириллов значит больше, чем тонкий изысканный мыслитель, который безответственно парит над идеями». Симптоматично, что почти всегда Чёран прав — но только в абсолюте. А затем — после стольких отречений — выступает... румынская сущность. Абсолют веры и фанатизация переживания в массах будут очаровывать молодого Чёрана, отмечая первую и последнюю политическую ошибку его жизни.

Творчество Эмиля Чёрана 1930-х годов представляет собой уникальный и крайний случай воплощения духа «Поколения'27». Он довел до логического абсолюта при-

⁷⁴ Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. Cluj: Editura Echinoc, 1990. — P. 23.

сущие поколению жажду интенсивности, культ переживания и трагическое мироощущение. Его философия и стиль сформировались в точке идеального совпадения индивидуального экзистенциального кризиса и коллективного исторического кризиса межвоенной Румынии. Румынский контекст был для него не внешним фоном, а внутренней «рубашкой Несса», неотъемлемой частью его метафизических страданий. Ранние тексты Чёрана, при всей их радикальности и жестокости, являются не просто политическими манифестами, а глубоко личностным, почти религиозным опытом, где ересь становится формой славословия, а отчаяние — путем к пророческому озарению. Его наследие можно понять только в диалектике между разрушительной силой его текстов и экзорцистской, исцеляющей целью, которая за ними стояла.

Р. С. Гранин

Список использованной литературы

1. Гранин, Р. С. Поэтика Эмиля Чёрана. Издание в трех томах. — М.: Тотенбург, 2025–2026.
2. Сиоран, Э. М. Горькие силлогизмы. Горькие силлогизмы. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — С. 26–145.
3. Сиоран. История и утопия. Искушение существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 272–338.
4. Сиоран, Э. М. О разложении основ. Искушение существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 14–142.
5. Сиоран. Падение во время. Искушение существованием. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — С. 340–410.

6. Чёран, Э. Бревиарий побежденных / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 138 с.
7. Чёран, Э. Из Франции / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 102 с.
8. Чёран, Э. Книга иллюзий / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 232 с.
9. Чёран Э. Моя страна. Преображение Румынии / Пер. с рум. и фр. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — С. 325–331.
10. Чёран, Э. На вершинах отчаяния / Пер. с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 176 с.
11. Чёран, Э. Преображение Румынии / Пер. с рум. и фр. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — 352 с.
12. Чёран, Э. Слезы и святые / Перевод с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2025. — 300 с.
13. Чёран, Э. Сумерки мыслей / Перевод с рум. Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2026. — 234 с.
14. Чоран, Э. М. Злой Демидург. После конца истории: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 23–136.
15. Чоран, Э. М. Признания и проклятия: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2004. — 206 с.
16. Чоран, Э. М. Разлад. После конца истории: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 137–260.
17. Чоран, Э. М. Упражнения в славословии. После конца истории: Философская эссеистика. — СПб.: Симпозиум, 2002. — С. 261–376.
18. Cioran, E. Revelațiile durerii. — Cluj: Editura Echinox, 1990. — 202 p.
19. Eliade, M. Itinerar spiritual. — Cuvântul, 1927, № 897. С. 1–2.
20. Eliade, M. Încercarea labirintului. — Cluj-Napoca: Editura Dacia, 1990. — 165 p.

21. Eliade, M. Profetism românesc. — București: Editura "Roza Vânturilor", 1990. T. I. — 222 p.

22. Eliade, M. Profetism românesc. — București: Editura "Roza Vânturilor", 1990. T. II. — 160 p.

23. Mihăilescu, D. C. Prefață // Cioran E. Revelațiile durerii. — Cluj: Editura Echinox, 1990. — P. 5–29.

24. Rădulescu, M. S. Despre genealogia lui Emil Cioran // Genealogii. — București: Vremea, 2018. — P. 129–134.

25. Vulcănescu, M. Generație. — București: Criterion, 1934. № 3–4.

ОТКРОВЕНИЯ БОЛИ

